

УДК 316.75

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. філософіі
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

О СМЫСЛЕ ИДЕОЛОГИИ

Исследуется вопрос о смысле идеологии как культурном, социально-философском феномене. Рассматривается проблема характера идеологических постулатов в зависимости от исторического контекста. Характеризуются такие черты идеологии, как незаконченность, универсальность, типичность, стандартность, вместе с тем демонстрируется ее противоречивый, часто парадоксальный характер. В зависимости от применяемых методологических подходов смысл идеологии связывается либо с формальными признаками, не зависящими от содержания, либо с ценностными предпочтениями социальных групп и структур, включающих государство.

Зачем вообще идеология, в чем ее сокровенный (сакральный) смысл? Какими средствами идеологические постулаты выражались вчера, и каким образом они выражаются сегодня? Меняется ли смысловое содержание идеологии со временем, если говорить о ней как феномене сущностном, глубинном? Нет ли парадоксов в нашем желании понять идеологию и соответствующим образом интерпретировать, приспособить ее к собственным потребностям и пониманию? Меняются ли средства выражения идеологических предпочтений? Понятно, что любой из поставленных вопросов может стать предметом специального анализа, однако, на наш взгляд, пришла пора именно так (в целом) ставить вопросы и пробовать найти на них ответы. Речь не о частностях, а о попытке системного рассмотрения феномена идеологии. Во всяком случае, практика последних десятилетий национального поиска объединяющей идеи, формирования системы представлений идеологического характера призывает именно к этому.

Попробуем первоначально сформулировать некоторые сущностные, основные черты феномена идеологии, обратившись не только к практике осмысления этого явления классического, апробированного характера, но и к достижениям специалистов, работающих в контексте постнеклассической методологии. И первое, в чем едины многие теоретики, – это то, что идеология априори должна носить незаконченный характер. Можно спорить о том, какой принцип является базовым в осмыслении феномена идеологии, но сложно протестовать против «незаконченности» идеологических концептов. Если вспомним, «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса была незаконченным сочинением, и это не случайно. Дело в том, что идеологические концепты до марксистского понимания данного феномена основывались на идее мнимой, искусственной реальности, которая выдается за саму реальность. Маркс же предпринял попытку «перевернуть» пирамиду представлений, в которой основание – материальная жизнь людей, их подлинные интересы, а идеология отражает эту жизнь и эти интересы в системе представлений теоретического характера. «Незаконченность» здесь связана с двумя факторами: понимание жизни как «живого» движения социума, постоянно находящегося в движении, изменении, – и того факта, что отражение интересов того или иного класса не может претендовать на отражение интересов всего общества в целом. Т.е. классовый характер общества предопределяет и наличие нескольких идеологий, в которых отражаются интересы конкретного класса. И этот процесс постоянен, собственно, его постоянство распространяется до той поры, пока классы не перестают существовать и различия между ними не стираются. Западная (немарксистская) идеология основывалась на демократических ценностях, и здесь разброс представлений был достаточно ве-

лик: от силового сдерживания коммунистических стран и соответствующих идеологем (З. Бжезинский, например) до плюралистических идей, связанных наряду с прочими с терпимостью ко многим проявлениям идеологических предпочтений (исключая национализм, расизм и т.д.).

Парадоксально, но факт: идея принципиальной «незаконченности» идеологем, невозможности выразить в одной форме все разнообразие интересов того или иного общества связана с мыслью об универсальности идеологии. Т.е. любая идеология, формирующаяся в рамках конкретного социума, претендует на всеобщность. Получается, с одной стороны, выражение интересов определенной социальной группы, со стороны другой – претензия на исключительность. Как выразился в привычной для постмодернистов форме Ж. Делез, «смысл – это несуществующая сущность, он поддерживает крайне специфические отношения с нонсенсом» [1, с. 7]. Однако парадоксальность такого рода вовсе не исключает жесткого соперничества за приоритет, более того, идеологиям присуща агрессивность в той мере, в какой на передний план выходит вопрос о власти. В настоящее время (лето 2017 г.) в России одна из влиятельных партий выдвинула идею возвращения к монархическому государственному устройству, смене государственной символики, даже выдвигается мысль о необходимости перекрасить Кремль в белый цвет. Причем эта инициатива приобрела законодательный характер. Ей оппонирует иная влиятельная партия, которая предлагает «остановить белогвардейцев», пока не поздно, поскольку речь идет об атаке на государственные институты и смене конституционного устройства страны. В ходе полемики употребляются отнюдь не парламентские выражения, страсти бушуют нешуточные, но суть очевидна: речь идет не только о голосах потенциальных избирателей в рамках приближающейся президентской кампании 2018 г., но и о понимании собственной исторической и современной правоты, выраженной в идеологической форме. Стоит лишь заметить, что в данном случае речь идет не только об истине, речь идет о столкновении полярных мнений, которые обладают одинаковой сущностью с точки зрения истины. Критерий противоборства связан с идеей власти, и здесь апелляция к ницшеанским мотивам и соответствующей риторике будет вполне уместной.

Р. Барт, один из теоретиков, роль которого в формировании наших современных представлений об идеологии очевидна, отмечал еще одну важную черту рассматриваемой дефиниции. Идеологии принадлежит «натурализующая» функция, что значит: ни одна из них «не любит», когда ее признают таковой. Идеология органична, говорят теоретики, она «вырастает» из сути сложившихся в обществе отношений, отражает глубинные противоречия и отношения, это не продукт абстрактного теоретизирования. Правда, следует заметить, что несколько в ином контексте эту же идею Р. Барта выразили Маркс и Энгельс, которые протестовали против отвлеченных формул предыдущего материализма и идеализма, выдвигая в качестве альтернативы реальный класс и реальные интересы реальных людей. Есть, конечно, и принципиальная разница, поскольку Р. Барт «объединил миф и идеологию, называя их метаязыком» [2, с. 303], отсюда понимание идеологии и как мифической дефиниции. Новаторство Барта заключается не только в указании на мифологизм идеологии, но и в том, что «он дал им семиологическую трактовку, а именно: попытался рассмотреть идеологию как особое знаковое образование» [3, с. 10]. Тем самым, к слову, выводилось за рамки идеологии еще одно важное ее свойство, связанное с насильственным характером, ее агрессивностью, которая традиционно приписывалась «тоталитарным» концептам и от которой, как предполагалось, были свободны концепты «демократические». Это, конечно, может быть рассмотрено в критическом контексте, поскольку вся практика современности, связанная

с продвижением идеологических постулатов западного мира, свидетельствует именно о жестком навязывании тех или иных идеологических стандартов, и национальная практика свидетельствует об этом в полной мере. Может возникнуть вопрос такого порядка: а причем здесь семиология? Ответ может быть следующим: идеология – способ сознательного самообмана. Т.е. идеологические клише заменяют (чаще всего незаметно) подлинные мотивы поведения человека иллюзорными, и важнейшую роль в этом процессе играют три дефиниции: текст, коннотация и собственно идеология. Как отмечал сам Р. Барт, «идеология “отражает”, она не производит» [3, с. 46]. Если же говорить о более практических вещах, то обратим внимание на точку зрения, изложенную в материале ученого из Нижнего Новгорода А.С. Александрова. Семиотику – науку о знаках, – полагает он, необходимо практически применять в сфере права. Он исходит из того, что право – это не действующий закон с раз и навсегда установленным смыслом, а текст, дискурс, совокупность речевых практик. Речь должна идти именно о словах, поскольку правовую реальность представляют текст, речь, язык. С.А. Александров прибегает к такой формуле: «Право – продукт духа человека, а что такое этот дух, как не опыт человека, пропитанный вербализмом?». «Пропитанность вербализмом», очевидно, не лучшее сочетание, но смысл дефиниций, связанных с «речедейтельностью», «судоговорением» передает в полной мере. Вывод С.А. Александрова применительно к уголовному праву такой: «Уголовно-процессуальное право есть текстовое поле, где основным способом познания является разговор (речь)» [4, с. 260], отсюда требование пересмотра оснований уголовного судопроизводства на основе принципов судебной лингвистики. Данный пример показывает, каким образом семиотическая методологическая конструкция может быть применена в праве. Похожие конструкции и механизмы используются и при обращении к феномену идеологии.

Так, например, важной характеристикой идеологии является и ее типичность, стандартность. В свое время большинство советских людей оперировали готовыми формулами, не пытаясь протестовать даже против очевидных натяжек. Скажем, один из стандартных лозунгов той поры звучал так: «Из всех искусств важнейшим для нас является кино». Как известно, это высказывание В.И. Ленина. Конечно, контекст свидетельствовал не о догматизме, а о динамике, поскольку кино в начале XX в. было самым доступным средством агитации и пропаганды. Но кто и когда об этом задумывался? Индивидуальный опыт играл в данном процессе второстепенную роль – намного важнее была та общая установка, которая призывала считать именно кино важнейшим из искусств. Причем подобная установка была непосредственно связана с призывом к творческому овладению марксистско-ленинской теорией. Но не надо думать, что подобные типологические подходы связаны исключительно с советской эпохой. Если вспомнить известные призывы, в центре которых стояли все те же общие клише о «правах человека», то ситуация будет выглядеть идентичной (в методологическом ключе). Но разве это исключает возможность действительно творческого переосмысления имеющихся идеологических координат? Нет, не исключает. Один из самых известных примеров – полемика патриарха Алексия II в Страсбурге с депутатами Европарламента, критиковавшими главу РПЦ за негативное отношение к однополым бракам, соответствующим манифестациям и т.д. Аргумент депутатов был «убийственным»: если права человека первичны, то почему православная церковь возражает против однополых браков? Ответ был безукоризненным: так в том-то и дело, что права человека не первичны, а вторичны по отношению к религиозным, этическим ценностям. Как только идеологическая пирамида приобретает данный вид, все становится на свои места.

Типичность, стандартность идеологических клише придает идеологии необходимую устойчивость, опора на систему традиционных ценностей освящена историей, менталитетом, выдающимися личностями. Вспомним, насколько священно было имя В.И. Ленина для нас, большинства обществоведов советской поры, насколько несокрушимым выглядел аргумент, если он был «закавычен» и под ним стояла знакомая подпись. Найти в споре, дискуссии незнакомую (мало знакомому) цитату из трудов вождя пролетарской революции означало, что соперник априори повержен. Конечно же, это не лучший способ спора, реликты которого мы наблюдаем и сегодня. Подобная устойчивость сыграла свою важную роль, особенно в эпоху катастрофического характера, скажем, в годы Великой Отечественной войны. Там не было места для сомнений, там все было предельно заострено: или мы, или они. И идеология сыграла в этом процессе свою важнейшую и именно стабилизирующую роль. Но ситуация принципиально изменилась, например, в 80–90-е гг. прошлого века, когда возникла острая необходимость не просто в повторении задов конкретной идеологии, а ее реального развития. Ни творческих, интеллектуальных сил, но активных, целеустремленных людей для этого просто не оказалось. Мы достаточно часто пытались в то время «подогнать» новые реальности под старые клише, которые не вызывали сомнений в их истинности, а надо было все же пересматривать собственно идеологические клише, искать варианты их развития, изменения. Здесь опять мы можем говорить об очередном парадоксе в осмыслении феномена идеологии. С одной стороны, устойчивость идеологием играет важную роль в стабильном развитии социума. С другой стороны, необходимо видеть новые тенденции, «чувствовать» необходимость изменений и поступать в соответствии с ними. Эта тема, тема баланса, равновесия, очевидно, непростая и достаточно часто, как свидетельствует опыт, неразрешимая. Но как сверхзадача, как цель и идеал она существовать может и должна существовать.

В этом контексте обратим внимание на понимание взаимосвязи между категориями «идеология» и «власть». Может ли власть существовать вне идеологии, и что является первичным в рамках такой постановки вопроса? И еще: возможно ли в принципе завоевание власти на основе уже сформированных идеологических предпочтений (скажем, в форме программы), либо идеология может формироваться постфактум, т.е., после того, как власть в той или иной форме завоевана? В зависимости от методологических приоритетов ответов может быть несколько. Скажем, такой: идеология не является универсальной и ясной категорией. Достаточно часто целью становится процесс не формирования идеологических предпочтений, а расшатывания, уничтожения идеологии вообще как оков, сковывающих развитие общества. Здесь на первом месте понимание идеологии как монстра, безраздельно господствующего в культуре, и речь может идти не об его уничтожении (это невозможно), а попытках обмануть его, ускользнуть от него. Здесь могут быть приемлемы любые средства: интерпретационные, семиологические, семантические, текстовые и т.д. [3]. Поэтому базовое отношение к идеологии связано с ее пониманием как иллюзорного сознания, опосредованного миром и отношением к этому миру. Поэтому все равно, как отвечать на поставленные вопросы. Какая разница, идеология появляется постфактум и существовала априори в сознании интеллектуалов или в среде ментальной? Вопрос совершенно в ином: каким образом необходимо интерпретировать идеологию для того, чтобы она не мешала жить, чтобы люди могли освободиться от нее хоть в какой-то степени.

Может быть и иной ответ, стандартизированного характера: идеология есть следствием осознания группой людей ценностей, выраженных в системной форме. В этом случае также возможны различные интерпретационные варианты, хотя их вари-

ативность ограничена заданными идеологическими (ценностными) параметрами. И, что важно, ответы на поставленные вопросы могут также быть двойными: все зависит от обстоятельств, места и времени. В качестве примера обратимся к теории права. Санкт-петербургский ученый-концептуалист И. Честнов утверждает, что все правовые конструкты являются идеологическими по существу [4, с. 603]. Такого рода положение вещей не может быть признано приемлемым, в связи с чем возникает проблема мер, которые необходимо принять для того, чтобы исправить перекося в отношениях государства, власти и идеологического компонента. Меры указываются: скажем, это предоставление субъекту нормотворчества объективной информации о тенденциях и потребностях правового регулирования определенных общественных отношений, отслеживание эффективности закона и практики его реализации, создание условий для открытости всех уровней власти и т.д. Но все эти меры «отрабатываются» и в рамках классического правопонимания, нормативистской (в частности) теории права. И вопрос о том, как избежать давления идеологических конструктов в рамках развития государства остается открытым. Утверждается, что «знаково-символическое пространство государства определяется политическими мифами и идеологией», но в этом признании нет ничего революционного. Да и ответы затруднены, поскольку неясно, какой вариант юридически значимого поведения будет отобран правовой культурой конкретного социума. Но это означает смысловой тупик, теоретическое движение по кругу. Можно многократно повторять, что методологически мы шагнули от универсализма к «социокультурному контекстуализму», но практически нам это мало что дает. Следует признать, что в теоретическом плане решения проблемы идеологического давления на власть, государство, абсолютизации идеологических конструкций до сих пор не найдено. Вместе с тем некоторые выводы из сказанного сделать все же можно.

И первый из них: необходимо не исключать идеологию из контекста социокультурных отношений, а учиться жить в рамках конкуренции идеологических постулатов. Попытки «зачистить» социум от идеологического давления могут быть рационально объяснены, более того, мало кто сомневается в обоснованности, особой логике такого желания. Но это то же самое, что построить «чистую» теорию права, «чистую» историческую концепцию, вообще любой «чистый» обществоведческий конструкт. Человек всегда будет выражать свое мнение (осознанно или интуитивно) в форме предпочтений идеологического характера. Имре Лакатос методологически эту идею сформулировал так: «Теперь лишь немногие философы или ученые все еще верят, что научное знание является доказательно обоснованным или, по крайней мере, может быть таковым. Столь же немногие осознают, что вместе с этой верой падает и классическая шкала интеллектуальных ценностей, ее надо чем-то заменить – ведь нельзя же довольствоваться вместе с некоторыми логическими эмпирицистами разжиженным идеалом доказательно обоснованной истины, низведенным до «вероятной истины» или «истиной как соглашением» [5, с. 281]. В «переводе» на язык идеологических конструкций эти положения могут быть интерпретированы так: идеология не столько рациональное, сколько иррациональное явление; существуют различные варианты конвенциональных соглашений, но суть это меняет мало, поскольку естественное состояние идеологии – соперничество, борьба, но вовсе не конвенция. Вместе с тем сам по себе факт, эмпирическое знание, сопутствующее логическим умствованиям (или предваряющее их), не могут претендовать на истину.

Второе положение может быть связано с пониманием смысла идеологии как средства, механизма для реализации экономико-политических, социокультурных целей. Здесь важен вопрос о том, может ли идеология существовать «сама по себе», изолиро-

ванно, скажем, от интересов тех или иных групп, слоев, страт? Может ли идеология быть «оторванной» от государства, власти, самовыражения элит? Представить это себе сложно, во всяком случае, в рамках практики, жизнедеятельности конкретного социума. Та идеология, которая имеет место вне данных структур, называется совсем иным термином, например, утопией. Маркс и Энгельс далеко не случайно ставили задачу «перевести» учение социализма из сферы утопии в сферу науки. Насколько это удалось, иной вопрос, но задача понятна и обоснованна. Хотя нельзя отрицать и того, что в ряде случаев утопия может трансформироваться в реальные социальные проекты, переживать процесс реинкарнации на основе новых социальных реалий, новой культурной среды. Достаточно часто идеологическое содержание меняет свою суть при обстоятельствах принципиального характера (война, революция, иные катаклизмы масштабного характера). Стоит заметить и следующее: некоторые идеологии сохраняют свое содержание на протяжении длительного времени, причем, что интересно, могут иметь реальное содержание и условия для осуществления в полярных социальных системах. Например, консервативная или либеральная идеология.

И еще одно замечание: сложно сказать, насколько продуктивной окажется идея Р. Барта в понимании идеологии перенести акцент из сферы содержания в сферу формы, сферу знаковую. Сверхзадача такой попытки понятна: речь идет о возможности отнять силу идеологического воздействия на основе понимания того, как устроен идеологический знак. Барт совершенно прав, когда утверждает, что идеологические концепции априори содержат в себе «идеологический обман», но вот в части средств преодоления этого обмана с мыслителем можно спорить. В частности, Барт утверждает, «что нет ничего существующего вне текста», но ведь и сам текст существует в рамках более широкой целостности. Идеология здесь – атом социальности, не более, но и не менее того.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Акад. проект, 2011. – 472 с.
2. Грицанов, А. А. Идеология / А. А. Грицанов // Постмодернизм : энцикл. – Минск : Интерпрессервис, 2001. – 1040 с.
3. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. ; ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. – 3-е изд. – М. : Акад. проект, 2009. – 373 с.
4. Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 840 с.
5. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М. : Акад. проект : Трикста, 2008. – 475 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.06.2017

Lepeshko B.M. On the Meaning of Ideology

The meaning of ideology as a cultural, social and philosophical phenomenon is explored in the article. The problem of the nature of ideological postulates is examined depending on the historical context. Such features of ideology as incompleteness, universality, typical, standard are characterized. At the same time, its contradictory, often paradoxical character is demonstrated. The meaning of ideology is linked either with formal signs that are independent of content, or with value preferences of social groups and structures that include the state depending on the used methodological approaches.